

ДЕТЕКТИВ КРАЙОНОВ

ОБНУЛИТЬ ВЕСЫ

Том VII

АРОН
РОДОВИЧ

Арон Родович

**Детектив Крайонов.
Обнулить весы. Том 7**

«Автор»

2026

Родович А.

Детектив Крайонов. Обнулить весы. Том 7 / А. Родович —
«Автор», 2026

Они назначили цену моему коту. Зря. Надо было сначала спросить, сколько стоит их собственная жизнь. В чужом мире я оказался должником. Здесь зарабатывают баллы тяжёлым трудом, а тратят — просто оставаясь в живых. Выбраться из шахты честной работой невозможно. Особенно когда твой долг считают на поддельных весах. Чешира держат в Загоне. Людей из нашего барака готовят к отправке, после которой никто не возвращается. За всем стоит Весовщик — хозяин, привыкший покупать охрану, чиновников и чужое молчание. Но я детектив. Вещи рассказывают мне то, о чём предпочитают молчать люди. И одна бронзовая гиря уже наговорила своему владельцу на очень неприятный разговор.

© Родович А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Арон Родович

Детектив Крайонов. Обнулить веса. Том 7

Глава 1

— Пальцы ему ещё пригодятся, ими он записи вносить будет. До седьмого пота, — ответил я и встал поперёк пролома, раскинув руки, как мог шире. — Мёртвый Окунев ничего никому не вернёт, а живой и напуганный — вернёт всё до балла.

— Ха, вносить его заставишь? Эту тушу? Да он же насквозь продажный! — в первом ряду заготовили и потеснили меня плечами, кто-то сунул мне под ребро кайло рукоятью, по-свойски, но с размаху. — Да он собственную подпись за восемьсот баллов продал!

— Тем легче заставить, он ведь до ужаса за шкуру трясётся. Продал подпись — выкупит её же у нас, с процентами, — я остановил ближайшего забойщика, упёршись ладонью ему в грудь, и перекрыл ему дорогу, глядя поверх плеча на писаря. Гогот осёкся.

— Ого, ты гляди, он его защищает! Уж не сговорились ли, голубчики? — выкрикнули из задних рядов, и толпа качнулась, заблестели глаза. — Сыщик за писаря горой встал! А может, и он подмазан?

— Ишь, подмазанным назвали! Совсем вы сдурели! — Архип рванулся вперёд и ткнул ломом в пол так, что плита отзвенела. — Он Илью под списание увёл! Он за восемьсот баллов наших ребят в Загон отправлял!

— Эй, за десятерых ему заплатили, Архип! Я ведь тоже до зубного скрежета зол! А за его труп ответим все мы. Назад, мужики, дайте сказать! — я взлетел на дубовую столешницу и загородил собой писаря, подняв обе ладони, и переждал, пока стихнет звон инструмента.

Под низкими сводами меня услышали и в задних рядах. У самых ног ещё торчало кайло; державший его забойщик перестал напирать и поднял на меня лицо. Дальше тоже притихли, ожидая, что я скажу.

— Если вы его сейчас разорвёте на куски, вот что будет, — я хлопнул по доскам под ногами и развернулся к проходу, — смотритель, который сбежал от автомата, получит готовое обвинение в бунте! Перекушенный провод его не остановит — донесёт ногами, хоть из соседнего узла связи, хоть с нижнего яруса. Пока кровь с кайла смоете, на сектор спустятся штурмовые батальоны надзора с тяжёлыми станковыми пулемётами! Нас всех объявят взбунтовавшимися каторжниками и положат штабелями прямо на этой площади! А Илья так и останется списанным мертвецом в казённых записях, и завтра его сестрёнку выкинут умирать в шурф за его несуществующий долг! Самосуда я вам устроить не дам! Мы заставим эту чиновничью тварь собственноручно исправить реестр по закону!

Из вентиляционной трубы со свистом вырвался пар. Несколько человек оглянулись на проход, через который мог вернуться смотритель.

— Гм, а ежели вносить-то откажется? Он ведь жуть какой скользкий! — спросили из средних рядов, тише, без куража, и чей-то лом нехотя опустился к полу. — Скажет — рука не та, доступа нет, терминал сломался. Мы его тогда что, кормить будем?

— Откажется — будем держать. Осилим, куда денется. Сотня свидетелей собрана, планшет достали, осталось исправление провести, — я спустил ногу на лавку и развернулся к Окуневу, дрожащему в углу пролома. — Закон у нас страшнее ломика, когда его сразу сто человек читают.

— Эх, твоя правда, сыщик. Закон-то должен быть, хоть до боли обидно. — Архип опустил занесённый лом и отодвинулся от пролома, подтянув к себе соседа, который всё ещё сжимал кайло. — Пусть своё дерьмо сам жрёт.

— Руку на стол, живо, хватит трястись! — Я прыгнул внутрь кабины, схватил Окунева за шиворот и вздернул на ноги, швырнув грудью на столешницу перед лежащим планшетом.

— Что вам ещё?.. — пролепетал писарь и попытался отдернуть кисть, но моя ладонь пригвоздила её к доскам.

— Да расслабь же кисть, тварь! — Придавил его запястье к дубовым доскам и расправил скрюченные пальцы. Архип вернул расписку; я убрал её в папку вместе с распечаткой акта и отодвинул подальше от стеклянного крошева. Оригиналы нам ещё понадобятся. — Открывай свой акт. Сам, своей рукой.

— Ох, да это же отдельная процедура... Мне предписание нужно... Регламент нарушен... — заскулил Окунев, отчаянно пытаясь вырвать руку. — Дайте время, я подам официальный рапорт коменданту сектора...

— Ага, время потянуть вздумал? Напрасно, писарь, напрасно, — осклабился я, заламывая ему пальцы. — Никаких рапортов.

Он воровато зашарил по планшету свободной рукой, не глядя на экран. Я перегнулся через его плечо и следил за каждой строкой: не ту карточку открыл, покрутил — и вместо исправления потянулся к пункту «направить на рассмотрение». От этой уловки меня аж пере-дёрнуло. До чего же гадко: даже сейчас норовил загнать живого человека обратно в очередь на смерть.

— Не, писарь, мимо. — Перехватил его запястье и отвёл от кнопки подачи заявки. — Запись номер четыре-Б-ноль-девять-один-семь. Воронов. Шурф сорок. Открывай её, родную, и больше никакой.

— Вот тут, писарь, идентификатор записи, — Мила протиснулась к пролому рядом с отцом и постучала по строке под шапкой акта. — Не картинку тяни, а номер. По нему и исходная запись найдётся.

Толпа за спиной глухо загудела; Окунев оглядел пролом и опустил глаза к планшету. Он провёл по экрану, ввёл номер, и карточка акта развернулась во всю ширь: статус — «внесён, заверен», ниже — история операции, где горело его собственное имя в строке «автор внесения».

— Открывай исправление своего акта, — продиктовал я, сверяя номер на распечатке. — Основание: акт о гибели ложный, работник жив, установлен личным осмотром на площади при множестве свидетелей. Пиши, мразь!

— Да не могу я просто отменить! — взвыл Окунев, брызжа слюной в экран. — Система потребует подтверждение! Печатка у меня служебная, персональный ключ! И... и второе подтверждение запросит!

— Так подтверди. Ключ у тебя, палец у тебя, голова пока при тебе, — я отпустил его запястье и придвинул планшет. — Всё, что положено, — всё своё.

Писарь выудил из потайного жилетного кармана восьмигранную латунную печатку с гербом и личным номером чиновника сектора 4-Б, приложил её к считывателю планшета. На экране вспыхнуло: «Личность подтверждена: Окунев В. С.». Под ним открылась форма исправления; в строке полномочий значилось: «Автор исходного акта».

Он заполнил основание и остановился на финансовой части. Из-за его плеча я читал строки предварительного расчёта: до спорного начисления местный учёт Воронова был нулевым. Потом Окунев добавил фиктивные 340 и погасил их ликвидационным списанием после мнимой смерти.

— Так и оставишь списание? — я постучал по строке погашения и развернул планшет к нему. — Или вернёшь долг живому человеку, а потом снова будешь за него брать?

— Оно связано с актом, автоматически вернётся при отмене... — Окунев втянул голову в плечи и открыл расчёт связанных операций. — Тут отдельно основание взыскания снимать надо.

— Вот и снимай ложное, — я сверил фамилию ещё раз и подвинул ближе распечатку. — Со своим авторством. Его ты не вымарашь.

В предварительном расчёте появились три изменения: отмена статуса гибели; снятие фиктивного начисления –340; обратная проводка прежнего погашения +340. Они взаимно закрывались, оставляя ноль по местному учёту Ильи. Ничего сверху ему не начисляли. Внизу ожидала подписи новая запись, связанная с прежним актом.

— Ещё по автомату, — Мила задержала папку возле планшета и нашла среди сохранённых талонов номера возвратов. — Вторичное изменение рецепта, номер наладчика и контроль: четыреста шестьдесят пять вместо пятисот. Сменщик говорит, ты его прислал. Это тоже сохрани для проверки.

— Наладчик сам... — писарь запнулся и отодвинул от себя бумаги. — Я ему ничего менять не велел!

— Вот и проверяют, что ты велел, — Мила вернула талоны к себе и прикрыла папку с распiskой. — Пока следы целы.

Чужой основной долг от исправления Ильино акта никуда не девался. Мои сто десять тысяч оставались на мне; до остальных списков мы ещё даже не добрались. Но этого парня Окунев при нас возвращал из мёртвых — со всеми своими подписями под ложью. От каждой новой строки становилось легче дышать; до последней подписи всё равно было страшно загадывать.

— Теперь в терминал, самую малость осталось, — я повернул его лицом к счётной панели и прижал грудью к её выступу. — Ту же запись, тот же номер, чтобы на втором экране всем видно было.

Окунев ткнул клавишу проведения операции, сверил номер акта с подготовленным исправлением и прижал печатку к служебному считывателю терминала. На большом обращённом к площади экране вспыхнула зелёная строка проведения, под ней — номер исправления, ссылка на исходную запись и новый статус: «Воронов И. В. — учётная запись действительна». Сам ложный акт не исчез: он повис серой строкой с пометкой «аннулирован», и рядом стояло его авторство — в сохранённой истории, доступной служебной проверке.

Илья поднял запястье: зелёный ноль загорелся на его браслете. До смешного хорошо было смотреть на эту единственную цифру: парень снова живой.

— Забойщик Илья Воронов восстановлен в правах! — крикнул я, поднимая руку с браслетом парня над головой, чтобы полоску видели с задних рядов. — Живой! Запись о гибели аннулирована, штраф снят, баланс в нуле! Исправление проведено самим Окуневым, по номеру, при сотне свидетелей!

Забойщики взревели от восторга. Сотня голосов слилась в единый ликующий шквал. Мужики сгребли шатающегося Илью в охапку, хлопали его по плечам, качали на руках, срывали с голов кепки и швыряли их под своды яруса.

— Господи, живой... Илюшка, сынок, живой же! Насмерть ты меня перепугал! Отбили, родненький! — Прохор протиснулся сквозь ряды и прижал парня к груди единственной рукой, размазывая слёзы по закопчённым морщинам.

— Ох ты, читатель! — проревел Архип и вскинул свой лом над головой. — Он вещи читает! Он же сквозь сталь и бумагу правду видит! Начисто всю ложь вывернул!

— Ура, читатель вещей! — подхватили в толпе и потянулись ко мне через барьер. — Крайонов! Наш сыщик!

Ещё утром здесь могли сдать пришлого оборванца надзирателю. Теперь меня звали по имени и тянулись через решётку пожать руку. Едва успевал отвечать, пока толпа качала Илью. Чертовски приятно было слышать своё имя от этих людей. Тепло расходилось по груди, и хотелось отвечать каждому.

Выбрался из кабины через пролом в ограждении, уступая дорогу забойщикам, которые тянулись поглядеть на зелёную строку исправления, всё ещё горевшую на экране. Тихон с буровиками отвели конвойных к выходу; разряженные дробовики остались у рабочих, патроны Тихон убрал в свой карман. Рабочие провожали их свистом. Я вернулся к служебному окну.

Броневого лист всё так же мёртво висел на заклинённой в пазу отцовской шайбе Тихона. Архип приподнял лист ломом и держал его, пока я вытаскивал хвостовик из паза и прятал кастет в глубокий карман штанов — оружие сослужило верную службу, и мне до зарезу нужно было вернуть его хозяину целым.

Приподнятый лист открыл мне и заваленную бумагами конторку писаря.

Окунев сполз на пол, обхватил пухлыми ручищами лысеющую голову и мелко подрагивал при каждом выкрике толпы. Верхний ящик дубового стола выдвинулся до упора. Среди вороха пустых талонов, казённых бланков и штемпельных подушек белел плотный продолговатый пакет из дорогой, лощёной бумаги Верхнего мира — на таких листах приходили распоряжения ведомств, до которых отсюда и жалоба вряд ли доберётся.

— Архип, шторку удержишь? — дотянулся сквозь прутья до пакета и, прикрывшись поднятым фолиантом, спрятал его во внутренний карман ватника — рядом с берестяной рукоятью резака. Только после этого Архип дал шторке опуститься до стойки.

Окунев остался за закрытой шторкой, а Илью увели свои. Я пробрался к выходу с площади, прижимая пакет за пазухой. Там меня перехватил Гнедой с двумя завернутыми в мешковину приборами.

— Э, не скался, скупщик, слишком ты довольный, — предупредил я и посторонился, освобождая у стены место для осмотра. — Только разовая работа. Два чтения, и мы врозь. Никакой дружбы, никаких «приходи еще, барон».

— Два чтения, барон, тридцать фишек за пару. Неприлично щедро плачу, заметь-ка. — Гнедой перехватил мешковину поудобнее и сунул мне сверток, прищуриваясь, как старый пес на кость. — Мне завтра это добро продавать. Перед ревизией за вранье голову оторвут.

— Тридцать? Ты же сам сейчас сказал — за вранье голову оторвут, — я принял сверток и развернул мешковину на выступе у стены, очень неторопливо, напоказ. — Первое чтение — двадцать. Второе — двадцать пять. Итого сорок пять, наличными. Вон сколько свидетелей: если совру, поймаешь меня за руку.

— Охохо, это же кабала, а не чтение. Бессовестно дорого. — Гнедой зашелестел мешковиной и оглядел площадь, проверяя, кто стоит поблизости. — Ты у нас в бараке герой дня, так и цены геройские. Пятнадцать сверху за что?

Выложил на мешковину шахтный редуктор с контрольным манометром. Проверил прикосновением корпус, затем стекло манометра. На первом держался свежий след испуганного наладчика: он забыл стопорную шайбу. Манометр помнил короткую, злейшую мысль — «стрелку подогнул, чтоб брали без проверки».

— Вот тебе: в редукторе забыли стопор. Полезнейшее чтение вышло, — я развернул прибор и обвёл пустое посадочное место. — Стекло второго вскрой — увидишь, что стрелка гнутая. Проверишь при мне, чтоб потом сказок про сыщика-обманщика не рассказывал.

— Уф, сейчас, сейчас, до чего же въедливый барон достался... — Гнедой поругался вполголоса, достал отвертку и склонился над манометром, сопя и роясь в инструменте. — Пятнадцать минут, барон, у тебя часы отниму...

Через пять минут он ткнул отверткой в пустое стопорное гнездо, а рядом положил вытащенную из манометра изломанную стрелку. Поскреб пожелтевшим ногтем царапину на ней и жутко тяжело засопел.

— Тьфу, и ведь так нагло врал, падла, глядел мне в глаза и клялся, что с проверки. — Гнедой повертел стрелку в пальцах и отложил в сторону, подальше от товара. — Это того наладчика с третьего забоя работа? И за проверку деньги содрал!

— Зато теперь-то знаешь: как исправные их не продашь. Страшно тебе повезло, что вовремя узнал, — я подтолкнул к нему вскрытый манометр и потребовал расчета.

— Эх, не продам, куда уж теперь, зарезал без ножа, — процедил он и подергал завязки закрытого кошель, выжидая, уступлю ли хоть фишку. — Двадцать и двадцать пять... Ладно, сыщик. Но учти: за такие цены я тебя второй раз в лавку и не пушу. Разовая, так разовая.

Гнедой повздыхал, достал кошелек и высыпал мне на ладонь сорок пять платежных фишек, пересчитав их вслух по одной, будто надеялся, что я собьюсь. Уж больно приятно звякали заработанные медяшки после его торга.

— Злой же ты человек, Крайонов, чертовски злой, — добавил он, пряча остаток меди и косясь на пустое гнездо редуктора. — Могу ведь и сильно обидеться.

— Зато двадцать и двадцать пять складывать умею, на диво хорошо умею, — я пересчитал медь еще раз у него перед носом и сжал фишки в кулаке. Убрал их в отдельный карман: на локальном счете по-прежнему стоял ноль, а за работу мне заплатили наличными.

Гнедой забрал приборы. Я вернулся к Тихону через опустевшую площадь. По дороге гул толпы стих, за стенами барачников люди укладывались на нары, и в штрехах остался лишь шум вентиляции.

В теснейшей каморке Тихона тускло мерцала коптилка, заправленная темным отработанным маслом. Огонек фитиля лениво вздрагивал от каждого движения воздуха, отбрасывая на дощатые шершавые стены длинные, ломаные тени. Пахло машинной гарью, кислой закваской и застарелой влагой.

На нижних деревянных нарах очень крепко спала Мила. Старое стеганое одеяло сползло с ее головы: открылись вихрастый рыжий затылок и впалая щека с черной полосой графитовой смазки. У изголовья на шатком табурете лежала разобранная латунная шестеренка от автомата выдачи концентрата — девчонка так и уснула с короткой отверткой, выбившись за этот день из сил. Даже во сне она чуть шевелила кистью, словно продолжала выправлять спиленные зубья казенного храповика. До щемоты жалко было её будить. От этой чумазой щеки делалось особенно горько: столько железа за день перебрала, а сама ещё ребёнок.

Развесил мокрый Прохоров ватник на спинке свободного табурета, подальше от хлеба и спящей Милы. Сели с Тихоном напротив за крошечный стол из тарных досок. Хозяин плеснул в две надколотые глиняные кружки остатки весьма горячего соленого отвара цикория, подвинул ко мне неровно отрезанный ломоть серого пайкового хлеба, пахнущего овсяной мякиной и дымом.

— На, держи, Тихон. Отец-то твой на редкость добрую вещь сладил, — я вытащил шайбу из кармана и опустил на столешницу, развернув хвостовиком к нему. — Окно удержала намертво. Сталь целая. И пальцы мои целые, что примечательно. Спасибо.

— Эх, отцовская же работа. Уж очень он железо любил. — Тихон взял шайбу и огладил большим пальцем граненый хвостовик, потом повернул её к лампе и долго смотрел на полированный металл. — Он говорил: коли берешься за железо — делай так, чтоб камень кололо, а само не гнулось. И ты выстоял, Роман. Илью от смерти вырвал. Барак это помнит. Мужики на нарах до сих пор шепчутся. Ты им сегодня показал, что у конторы тоже хребет есть, и его сломать можно.

— Книгу-то исправили, теперь у Ильи хоть браслет в полном порядке, — я отогрелся у кружки и подвинулся ближе к Тихону, к самому огоньку коптилки. — Кстати о писаре. До чего же хочется узнать, что там контора. Слыхал?

— Хе, заперлась контора на все аварийные броневые щиты, наглухо так заперлась, — усмехнулся Тихон, потянулся за кружкой и подул на пар. — Окунев жалюзи опустил, трясется, личный номер тряпочкой от чернил оттирает. Видать, думает, что номер с грехов отмоется. На ярусе шепотом гудят от забоя до клетки: «Крайонов правду сквозь казенные чернила вынул». Теперь тебя каждый забойщик в лицо знает.

— Только это-то чертовски скверно, что в лицо, — я отпил и поморщился, стряхивая с рукава робы каплю горячайшего отвара. — Мне бы еще пару дней походить в тени. Теперь каждый стукач за фишку доложит, где сыщик спит и с какой стороны ложится.

— Доложит — пусть. Уж больно мы такого, как ты, тут ждали. За тебя теперь вся шахта, паря, стена. — Тихон отставил кружку и подался ближе. — Порожняком, скажу тебе, за Ильей полсектора шло. Сегодня Илью отдали бы, завтра за нами пришли. Мужики это поняли.

— Слава в яме слишком быстро в петлю превращается, Тихон, если за спиной только доброе имя, — негромко заметил я, делая глоток адски терпкого, соленого отвара.

Глава 2

— Сила-то есть, Роман, — Тихон отозвался сразу и отодвинул кружку. — Барак за тебя горой встанет. Если надзор сунется — камнями забросаем, в шурфы не пустим. Только ведь... Окунева кто-то поставил людей продавать. За его спиной сила стоит куда страшнее сотни рядовых надзирателей.

Отломил кусок чёрствого хлеба, обмакнул в отвар и отправил в рот. От голода мучительно зануло под рёбрами; до одури хотелось разом проглотить весь ломоть. Смена в забое, серный штрек и ледяная вода выжали запасы почти досуха.

Поерзал на табурете, поворачиваясь к развешенному ватнику. Достал из его внутреннего кармана продолговатый пакет из плотной бумаги Верхнего мира, раскрыл клапан и расправил сложенный вчетверо расчётный ордер под огоньком коптилки.

Фиолетовый штемпель в центре листа казался почти чёрным, вьёвшимся в структуру лощёной поверхности: «Оплачено оптом по списку №17».

Прикоснулся к бумаге, прикрыл глаза и осторожно потянулся даром к волокнам лощёного листа. Отчаянно хотелось нащупать хоть обрывок мысли того, кто отдавал приказ об оптовой закупке забойщиков. В висках тонко кольнуло иглой — сосуды протестовали против новой нагрузки.

Бумага молчала. Ощущалась только гладкая поверхность; дару требовался след человека, а лист прошёл через автоматический сортировочный аппарат и пневматическую почту клирингового узла. Тот, кто платил за людей как за инвентарь, спрятался за казёнными счетами Верхнего мира. Досада была острой, до тошноты: вот она, его оплата, под пальцами, а самого попробуй достань.

— Эх, до последнего надеялся вытащить из бумаг Окунева имя того, кто держит Загон, Тихон, — я отодвинул лист и распрямил мучительно затёкшие пальцы, разминая их по одному. — А тут пустая казёнка. Оплату провели через машины. Заказчик спрятался.

— Так это же и есть фабрика, паря. Страшно подумать, какая махина. — Тихон отломил корку и придавил ею лист, который загибался обратно по старому сгибу. — Окунев за восемьсот баллов взятки работяг в расход списывал, ловчие за грошовое жалованье стерегли выходы. А хозяин сидит на самом верху. Но ты взглядишь: список номер семнадцать. Ежели до него было шестнадцать таких же — прикинь, по десятку на список — это сто шестьдесят живых человек прошло через Загон под видом аварий и обвалов! Сто шестьдесят душ, и все — на бумаге числятся погибшими. Это я так счёт веду, на глазок. Может, меньше, может, поболее. Но за каждым номером люди, каждый с именем и родней.

— Погоди-ка, прикидка это, Тихон, грубейшая, ещё проверять придётся, — сверил строки с отпечатанным номером и поднял взгляд на Тихона. — Но и одного семнадцатого списка хватит. Смотри сюда.

— Вот, ровно десять человек в списке. Илья был десятым в семнадцатом, — я повернул лист к Тихону и постучал ногтем по строке. — Девять человек из его списка завтра на рассвете погонят на перевалочную базу. Воронова мы отбили, но остальные девять уже в клетях. И Чешир там. Кота держат отдельно.

Мучительно захотелось услышать Чешира здесь, рядом с коптилкой. В тишине каморки вспомнилось его язвительное ворчание: «Не ной над чужими бумажками, Крайонов. У любой государственной мельницы есть ось, а в ось отлично вбивается калёный костыль».

— Хм, костыль-то — это очень хорошо, — вырвалось у меня; я оторвался от списка и потянулся за кружкой. — Только бить надо по мельнице, а не по писарю. А для этого нужно понимать, куда их погонят. Направление, маршрут, кто принимает наверху.

— Так вон оно что... Напрочь ты голову потерял, паря... — Тихон считал по именам на листе. Загнул один палец, второй, сбился, разогнул. — Погоди, я запутался. Ты чего сейчас удумал — девятерых из-под пломбы выцарапывать? Вместе с котом?

— А как же, вместе с котом. До одури соскучился по его ворчанию, Тихон. — Я придавил ордер и развернул его к Тихону.

— Ох, полнейшее безумие. — Он стукнул костяшками по столу и закусил губу, покосившись на нары. — Одного Ильи сколько крови стоило! А ты девятерых да ещё кота хочешь из клетки вывести. Да про нас к утру вся контора будет знать. Тогда уже не Окунев придёт — всех нас в семнадцатый список впишут, в восемнадцатый, под копирку! Ты хоть разумеешь, что барак за тебя горой встанет, но гору эту под пломбу загнать можно?

— Ох, еще как разумею. Потому-то барак останется здесь. — Я подтянул рукав и повернул запястье. Часы, купленные в автомате, тускло блеснули стеклом: без четверти одиннадцать вечера. — Смотри на время, Тихон. Пленный говорил: кота отправляют к трём утра. Четыре часа с хвостиком. Пока мы соберём людей, пока договорим, пока дойдём — загоним девятерых под пломбу вместо того, чтобы вытащить. Сначала пойду и посмотрю своими глазами, что к чему. Вдвоём с тобой и тихо.

— Уф, и как же ты предлагаешь? — Тихон потер подбородок и подался ко мне через стол. — В Загон голыми руками не ходят, сам говорил.

— Гнедой ведь, вот кто. Хитрющий жук, — Тихон покосился на дверь и придвинул ко мне ордер. — Скупщик знает, куда ловчие людей свозят, куда платформы ходят. Он хоть какое-то направление даст.

— Только вот за точной картой к нему идти отдельно, и с железным козырем, — придвинул пакет и разгладил ордер рядом с ним. — За просто так он фишку с пола не поднимет, а схема — товар штучный. Приду с пустыми руками — цену взвинтит до неба и ещё будет думать, не сдать ли меня Весовщику.

— Касса барака, паря, мужики на тебя надеются, — Тихон понизил голос и принялся считать, прикидывая общий сбор. — После сегодняшнего за тебя мужики подпишутся. Баллов пятьсот-шестьсот наскребём, каждому до смерти страшно десятым номером в следующий список лечь.

— У грузовой клетки ведь расписание висит, — Тихон придвинул ко мне кружку и сильно приглушил голос. — И диспетчерские объявления о рейсах.

— Ой, погоди-погоди, заговорился я, — Тихон отложил недоеденную корку и прижал к себе ордер, прерывая собственные подсчеты. — Куда ты летишь на ночь глядя? Пятьсот-шестьсот — я сказал, наскребём, но, батюшки, это слово, а не баллы в руке. Мужиков будить? Вдесятером к клетки? А Мила тогда с кем останется? И кто перед артелью за кассу отвечать будет, если я посреди ночи последние заначки соберу и в штреки утащу? Утром спросят — а я тут, ночной Гнедой, чужие гроши считаю.

— Я кота вернуть хочу, Тихон. До боли хочу, понимаешь же. И девятерых, живых девятерых, — сказал я и присел на топчан. — Не торговаться ими. Но гарантировать успех мне нечем, ты прав. Что успею — то и есть моя гарантия.

— Угу, вот и я про то. Очень уж дорого с нас возьмут. — Он растёр лицо и посмотрел на спящую дочь, на коптилку, на разложенный ордер. — Один кот ценой всего барака не вытаскивается. И девять чужих спин тоже. Да только и назад уже не отступлюсь, слишком поздно. Сегодня Илью весь сектор порожняком шёл смотреть. Столько глаз видело, как живой мёртвый из штрека вышел. Такую тишину, какая в бараке неделю была, больше не заведёшь — контора сама её сорвёт. Стало быть, сидеть и ждать — тоже риск, только чужой и в рассрочку.

— Ну так возьмёмся-ка за ближайшие десять минут, на них-то нас вполне хватит, — я поднялся с топчана и сел обратно за стол. — К расписанию у грузовой клетки — вдвоём с тобой, пять минут туда, пять обратно. Поглядели, что за рейсы, вернулись сюда, сели над ордером

и думаем дальше, уже со знанием. Никого не будим, Мила спит. Сбор баллов не трогаем. За картой пойдём, когда разберёмся с рейсом.

— Эх, Мила-то... — Тихон поднялся, подошёл к нарам, поправил сползшее одеяло и постоял над дочерью, заслонив её плечом от сквозняка. — Ладно. Спит — пусть спит, побудет одна четверть часа, дверь притворим, пусть доспит до нашего возвращения. — Он вернулся к столу, придавил ордер кружкой и посмотрел на меня поверх огонька. — Только уговор: на расписании глядели — и назад. Не суйся к самой клети, не заговаривай с дежурным, не покупай ничего у автомата. Смотрим бумагу — и ходу. По рукам?

— По рукам. Взгляд и назад, — я придвинул ордер к себе и расправил загнутый угол. — Десять минут, Тихон, и мы снова за этим столом.

— Коли уж мужики согласятся собрать кассу, её и побережём, она нам позарез понадобится, — пояснил я и покачал головой. — Гнедому за карту эти баллы не понесу: он до жути жадный, одну схему за них заберёт и добавки попросит. А платить придётся за вывоз людей: дежурным на стрелках, за клети, за пропуск конвоя. На живых, Тихон, потратим, не на бумагу. К Гнедому пойду за направлением и с козырем, не за покупкой.

— Хм, уж больно смело. — Тихон хмыкнул, соскреб крошки с доски и собрал в горсть. — Стало быть, кассу — на людей. Скупщику — ни балла, только разговор. Обдерёт ведь до нитки. — Он высыпал крошки в рот и упёрся локтем в стол. — Ишь ты, жадного Гнедого за язык взять надумал. Ладно, паря, уговорил. Только, слышь, что я скажу. Мужикам, когда время придёт, объяснять придётся — за что последнее отдаем. Артельные баллы, они бумага, а у каждого за той бумагой бессонная ночь стоит. Поймут — горой встанут.

— Поймут, чертовски на это рассчитываю, — перевернул машинный ордер печатью наружу и сложил по старым сгибам. — На своих потратим.

— То-то же. — Тихон глянул на спящую Милу и понизил голос. — Господи, дочь моя сегодня взрослым мужикам нос утерла... Так что давай уж по-честному: десять минут до объявлений у нас с тобой. Пять туда, пять обратно. Остальных оставим дрыхнуть, Милку — дома. Глянешь рейс своими глазами — и назад, под одеяло. Давай собирайся.

— Идём уж, невтерпёж здесь сидеть. Ты первым, я слева от рельса догоню. — Сунул ордер в продолговатый бумажный пакет и загнул клапан.

— Ага, вот и славно. — Тихон крикнул, снял с гвоздя свой помятый фонарь и прикрыл шторку, сузив жёлтый кружок до щёлки. — Пойдём через старый обходной, он глухой. Свет пушу узкой полосой, вдоль рельса.

Снял со спинки табурета Прохоров ватник и натянул поверх рубы. Сырые рукава подались крайне неохотно. Лезть обратно в холодную ткань было жуть как противно после тепла каморки.

— Держись-ка за мной, — Тихон приподнял фонарь и подмигнул. — Спина у меня широкая, временно поделюсь.

— Расписание-то и я читать умею, — шепнул, застегивая ворот, и нащупал в кармане сорок пять наличных фишек, заработанных на двух последних чтениях. Они мелко звякнули — моя плата за работу. Будущую артельную кассу мы решили тратить на вывод людей; с этими деньгами я пока распоряжался сам. — Хотя в этом мы с тобой на равных.

— Ха, ишь, зубы-то показал. — Тихон беззвучно засмеялся в кулак и сразу оглянулся на дочь. — Тихо, паря, дочь спит. Пошёл.

Мы выскользнули из каморки. Ночной штрек встретил нас гулом далеких вентиляторов и запахом мокрой породы. Фонарь выхватывал рельсовую нитку, костыли, подпорные стойки. Держался слева от рельса; Тихон шел впереди, шаркая разбитыми ботинками и приглушенно, до хрипа сопя. Поднялись по железным скобам на промежуточный ярус — и впереди, за поворотом, засветился простенок подъемной клети, за ним гудела лебедка, изредка натужно взывая под нагрузкой.

Возле клетки перекрыли проход два человека.

— Тихон, назад, — я шагнул наперерез и загородил проход между клетью подъемника и ржавой переборкой.

Взыскатели шли прямо на нас. На обоих висели одинаковые серые куртки из промасленного брезента с медными бляхами Загона на воротах. Тот, что повыше, с кривым носом и выцветшими глазами забойщика, сжимал в кулаке гибкий прут с электрошоковым набалдашником. Второй, приземистый, с опухшим от местной сырости лицом, крутил на пальце металлическое кольцо с пластиковыми стяжками.

— С дороги, пришлый, больно дерзкий ты, — кривоносый взмахнул прутом и ткнул им в сторону моего плеча. — За нами ордер третьей категории. Должник Тихон Корнеев, просрочка тридцать шесть баллов по штрафной шкале сектора. Долг выкуплен Загоном сегодня в полдень. Человек идет с нами под опись.

— Будь добр, бумагу-то покажи, мил человек, — я переступил ближе и заслонил Тихона у переборки.

Тихон за моей спиной мучительно тяжело задышал и стиснул кулаки так, что затрещали костяшки. Изможденный забойщик с огромным трудом распрямился; загонщики расставили ноги поперёк прохода, и приземистый уже отмерял стяжку для его запястий. От этой деловитости брала такая злоба, что каждое движение со стяжкой замечал отдельно. Внизу, под фальшивым серым куполом, выкупленный долг означал одно — железный ошейник, погрузочная платформа и списание в Нижние выработки, откуда люди возвращались лишь в страшных барачных рассказах.

— Эй, ты оглох, парень? — Приземистый шагнул вперед и поднял стяжки. — Уйди в сторону, пока браслет не обнулили за соучастие. Статус беглеца так хочется примерить?

Под стеклом у выхода из клетки висел порядок взысканий. Перфорированный ордер цессии в нем упоминался отдельной строкой.

— Регламент сектора номер сорок семь, — я перекрыл проход плечом и постучал по стеклу над нужной строкой. — Принудительное изъятие человека из жилого яруса проводится только по перфорированному ордеру цессии конторы учета. С багровой печатью. Без нее любая попытка нацепить стяжки — бандитизм. Так что покажи бумагу.

Кривоносый оскалился и ткнул шокером снизу вверх, метя мне под ребра. Шахтная гравитация давила куда тяжелее привычной земной нормы, сковывая выпады, но этот захват я отрабатывал на учебных полигонах ещё в прошлой жизни. Сейчас от него зависело, удастся ли вдохнуть после удара: сработал прежде, чем успел об этом подумать. Ушел в мертвую зону, перехватил его предплечье до того, как оружие поднялось, и мягко надавил на болевую точку под локтем, заставляя верзилу согнуться к грязному настилу. Сустав щелкнул, кривоносый выпустил шокер. Подхватил его левой на лету.

Приземистый полез в боковой карман брезентовой куртки, нащупывая запасной ствол, но я чуть вдавил электрод шокера в кадык хрипящего на коленях кривоносого, пресекая движение напарника.

— Эй, руку наружу, медленно, — предупредил я и повёл электродом от одного к другому, стараясь говорить тише хрипа прижатого загонщика. — Если через секунду я не увижу ордер, твой напарник проверит ёмкость собственного аккумулятора зубами.

Кривоносый засипел, пытаясь вдохнуть влажный воздух шахты. Его напарник очень торопливо расстегнул ворот.

— Вот! Официальная цессия конторы учета! — Приземистый выдернул лист из-за пазухи и сунул мне под нос. — Все по закону сектора, чтоб тебя перекосило!

Прижал коленом плечо кривоносого к настилу, отпустил его запястье и взял лист правой рукой. Бумага пахла машинным маслом, кислым потом клерка и дешевыми чернилами из

кристаллической гари. На ощупь она была жесткой, почти картонной. В верхней части стоял штамп учета, а поперек строки с именем Тихона красовалась косая багровая печать.

Коснулся бумаги даром. Кожу в месте касания обожгло так остро, что хотелось отдернуть пальцы, в затылок ударила вспышка — нервный стук конторского штампа, звон брошенных медных жетонов и равнодушный голос конторщика: «Этих восьмерых отдавай сразу оптом, Весовщик закрывает партию до четверга».

— Сколько набежало со штрафом? — Я сложил ордер, убрал его за пазуху и удержал кривоносого коленом, когда тот попытался отползти к напарнику.

— Сорок два балла, — прохрипел он с пола, сплевывая на решетку. — И пени за сопротивление взысканию, чтоб тебя!

Выгреб из карманов все металлические платежные фишки, заработанные этим вечером у Гнедого за чтение инструмента, проверил, не застряла ли последняя в подкладке, и швырнул их под ноги кривоносому. Металл звякнул о решетчатый пол. Отдавать этим тварям заработанное было мерзко до спазма в горле. Но Тихон стоял за спиной, живой, и за сорок пять фишек можно было оставить его рядом.

— Нате, здесь сорок пять, подавитесь. Перекрывает тело долга и пени, — я убрал колено с плеча кривоносого и отступил в сторону. — Проваливайте к своему распределителю и скажите, что баланс закрыт наличными.

Приземистый крайне поспешно сгреб фишки с пола, пряча их в рукав.

— Ну и дурак же ты, парень, — процедил он, пятясь к темноте переходного тоннеля. — Реестр Загона целые бараки поглотит. В полночь выйдет общий свод. Весовщик забирает партию целиком, с людьми или без. Если к погрузке не хватит голов, загонщики выгребут весь ваш барак.

Глава 3

Они развернулись и почти побежали по мокрому коридору. За поворотом ещё несколько раз шлёпнули подошвы; дальше слышался только гул вентиляции.

Тихон тяжело навалился плечом на заклепки стены. Его лицо было страшно серым, с глубокими тенями под глазами. Сквозь решетчатый настил подъемника тянуло паром из нижних шахт; к сырости примешивался кислый запах застарелой баланды.

— Ох, зря ты ввязался, Роман. — Тихон вытер лицо рукавом и повернулся ко мне, опуская фонарь к ногам. — Ты выгреб все до нуля, остался с пустыми карманами. А если мы сейчас в Загоне сгинем, Гнедой наши же вещи скупит. Он первый в барак прибежит, я его знаю. А Загон... Они берут оптом, по спискам. Уходи, Роман. Бросай меня, уходи по аварийным штрекам к нижним горизонтам, пока твой браслет не спалили. Долг на всю жизнь, Загон сожрет нас обоих, с потрохами!

— Тем более идем к твоей дочери и думаем, как людей вытаскивать. Твой долг уже закрыт, Тихон. За два часа второго такого подарка конвоям больше не сделаю, — я поставил шокер на предохранитель и спрятал во внутренний карман куртки, застегнув клапан. — Своих вытаскивать будем. Весовщик закрывает партию до четверга — и этот же мясник курочил распределители на твоём ярусе. Вот и сложи: долги у людей растут, распределители падают, люди списываются, и все это взвешено, оплачено и подписано. Это конвейер, Тихон.

Тихон зашагал вперед, с мучительным усилием отрывая подошвы от скользких железных плит. Его готовность отдать себя загонщикам люто бесила. Держался за ним в паре шагов и прислушивался: за гулом магистралей слишком легко было пропустить топот погони. Каждый шорох за спиной резал слух.

Створка нашей каморки в седьмом бараке была сколочена из грубого кровельного железа и проволоочной сетки. Она висела на одной петле и была приоткрыта. Изнутри тянуло жутко горьким чадом пригоревшей репы на открытой спирали электроплитки и металлическим духом остывшего жестяного чайника, заросшего серой окалиной.

Тихон шагнул через порог первым — и замер.

Посреди тесной каморки, на низком ящике под висячей лампой, стоял раскуроченный металлический кожух пищевого автомата. Вся стальная требуха распределителя — зубчатые колеса, медные пластины контактов, срезанные штифты — была вывалена на дерюгу. Двенадцатилетняя Мила сидела на корточках перед механизмом. Ее худые пальцы были черными от машинной графитовой смазки, короткие рыжеватые вихры стояли торчком, а по щекам, размывая чернь, катились злые, горючие слезы. В зубах она с яростным хрустом сжимала тонкую латунную отвертку. Ужасно обидно было видеть её над этим выпотрошенным железом.

— Милка... — Тихон метнулся к ней, пытаясь обнять девочку и отобрать инструмент. — Доченька, брось ты это железо! Живы ведь, обошлось все...

— Не трогай! — Она выплюнула отвертку в ладонь и оттолкнула отцовскую руку, оставив на запястье жирный след графита. — Не смей меня жалеть! Ты опять стоял столбом и ждал, пока тебе ошейник на горло нацепят?! Опять шею гнул перед этими псами?!

— Да угомонись ты, Мила, — Тихон втянул голову в плечи и присел перед дочерью. — Роман откупил меня. Последние медяки швырнул загонщикам. Все, чистый я перед конторой на сегодня, затаиться нам надо, тихо пересидеть...

— Затаиться?! — девочка вскочила и с размаху ударила кулаком по кожуху автомата. — Ты думаешь, они за твоими тридцатью шестью баллами приходили?! Да они плевать хотели на твои долги! Они сегодня вечером автомат на четвертом подуровне взломали! Мой автомат! Две недели ночами перебирала редуктор и стачивала казенные шестерни, чтобы наши мужики из седьмого забоя получали брикеты концентрата по себестоимости, в обход тройной конторской

наценки! Этот автомат кормил весь ярус! А эти твари сорвали замок ломом, разворотили нутро и протащили через пищевую секцию три клетки! Сегодня, пока мы с вами у конторы были! — Она рванула ворот комбинезона и хватанула ртом воздух. — Через мою же секцию людей протащили, как мешки с рудой. Я этот редуктор пальцами собирала. Пальцами, слышишь?!

— Замолчи, Милка! Брось, говорю! — Тихон страшно побледнел и потянул на себя створку ящика распределителя. — Если патруль услышит про переделку казенного редуктора — нас под корень вырежут!

— Не замолчу! — Мила снова вцепилась зубами в рукоять латунной отвертки и всем телом, локтями и коленями, навалилась на раскуроченный механизм, закрывая его от отца как щитом. Она глядела исподлобья, прижавшись щекой к кожуху, и сутулый забойщик отступил: чтобы добраться до механизма, пришлось бы силой стащить с него дочь.

Она выдернула из кармана холщового комбинезона длинную тонкую стальную спицу, просунула ее в глубь заклиненного протяжного барабана и налегла на свободный конец, используя его как рычаг. Зубья приемного узла были срезаны, собачка храповика намертво въелась в паз. Мила натужно зашипела сквозь сжатые зубы, надавила — раздался резчайший металлический щелчок. Зажатый барабан провернулся.

— Вот! — крикнула она, вытаскивая наружу мятую полосу перфорированной латунной ленты. — Думали, рудная крошка забилась? Смотри!

На измятой ленте поперек контрольных отверстий шла грубая штамповка аварийного кода транзита под давлением в четырнадцать атмосфер. Перед кодом сохранилась машинная отметка: сегодняшняя дата, 20:40. А следом за лентой из темной щели механизма вывалился кусок каленого железа.

Мила подхватила находку и поднесла к лампе: это был обломок толстой дужки навесного замка. На изломе темнело сухое бурое пятно, а с внутренней стороны металл покрывали глубочайшие параллельные борозды — следы дико сильных ударов звериных когтей. На шероховатом сколе застрял клочок густой черной шерсти.

— Вот для чего им заслонка понадобилась, — Мила стиснула обломок в кулаке и придвинула его к отцу. — Через наш продуктовый коридор волокли бронированные клетки с живым грузом! В обход контрольных весов! Они сорвали гидрозатвор в секции четыре-Б и заклинили аварийную заслонку обломком трубы на сорок сантиметров, чтобы не сработал датчик давления!

— Господи... — Тихон отшатнулся к стене и схватился за голову. — Клетки Загона... Милка, немедленно выбрось это железо! Брось в вентиляционный штрек или утопи в шламовом отстойнике! Если загонщики узнают, что у нас кусок их замка — они барак по бревнышку разнесут!

— Не выброшу! — девочка с вызовом сунула обломок в нагрудный карман и застегнула ржавую пуговицу. — Это моя секция! Я сама ночью пойду на технический горизонт с газовым ключом и покараулю этих уродов! А если ты так боишься — я одна уйду из барака!

Она схватила с верстака разводной ключ, готовая ринуться к выходу. За эту упрямую рыжую голову стало дьявольски страшно, аж под рёбрами стянуло.

— Ну-ну, мастер, остынь. Положи ключ, — я переступил порог и прикрыл за собой железную створку, привалив её плечом, чтобы скрип не разбудил соседей.

Мила сильно вздрогнула и замерла, вскинув подбородок, но ключ так и не выпустила — только сжала крепче.

— Тебе двенадцать, мастер, а отвечать за всё придётся самой, — я вынул из внутреннего кармана трофейный шокер Загона и с глухим стуком положил его на угол деревянного ящика рядом с разобранным распределителем. — С тобой говорю как со взрослой. Мне жутко жаль твоего автомата. В одиночку ты до отстойника дойдешь, это я не спорю. Ты свою секцию знаешь. А дальше у них карабины, а у тебя разводной ключ.

— Тыфу, и что теперь, сидеть тут, пока их увезут? — она шмыгнула носом, вытерла засаленным рукавом мокрые щеки, размазав копоть, и медленно вытащила из кармана железный обломок. — Тогда хоть Расскажи, зачем ты сюда пришел с чужим шокером, если не за мной.

— Ну как же, ты в этом деле — главный технар, а не штурмовик, — я потянулся к ящику, придвинул к себе шокер и повернул его рукоятку к ней, чтобы видела царапины. — Теперь по порядку рассказывай. Сюда обломок.

Принял у неё обломок и поднёс его к свету лампы. Свежий излом зернился: дужку толщиной в палец перекусили гидравлическими клещами конвойной службы.

— На сколе пятно, я видела. — Мила положила разводной ключ на верстак и придвинулась, понизив голос; ноготь её завис над бурым пятном. — Ты его читать будешь?

— Гляди-ка, пятно бурое, старое, — я повернул дужку к свету и соскоблил ногтем налипшую грязь. — А вот след на сколе совсем свежий. С него и начну.

— Эй, погоди. — Мила остановила меня, обхватив запястье, и заглянула в лицо, чуть склонив голову, чтобы поймать взгляд. — Ты сейчас на ногах едва держишься, смотреть до жути страшно. Ты в себя пришёл вообще?

— Наполовину, увы. Второй половиной и читать буду, — я высвободил запястье и перехватил дужку поудобнее, устраиваясь на ящике. — Тихон, запри дверь. На дубовый засов. Возьми лом и стой на часах, никого не впускать.

— Роман, помилуй, ты чего? — забойщик отступил к двери и надавил на хлипкую стену; жёсть прогнулась. — Здесь переборки из фанеры и кровельной жести, за стенкой стукачи конторы спят. Даже шепот донесут надзору!

Тихон сглотнул, взял лом и закрыл створку плотнее. Засов глухо стукнул в паз; хозяин остался у двери.

Закрыв глаза и сосредоточился, сжимая обломок дужки замка подушечками пальцев.

Обычно психометрия легко брала недавний испуг или последний разговор за столом. Но дужку успели заляпать маслом и рудной грязью, а потом ее трогали, пока лазили в механизм. Эти прикосновения заслоняли нужный оттиск. Каждое чужое касание мучительно отдаляло меня от Чешира. Чтобы докопаться до живого следа, приходилось сосредоточиваться гораздо сильнее, а после резака помнил, чего стоит такое усилие.

Стиснул зубы и попробовал добраться до того, кто тащил клетку, отсекая более поздние касания.

Виски сдавило так, что пришлось согнуться и опереться локтями о колени. В ушах загудело, словно рядом включили на полную мощность главный вентилятор сектора. Дыхание перехватило. В переносицу ударила острая, колющая боль, сердце пропустило два глухих удара, во рту разлился металлический привкус соли, и из левой ноздри на верхнюю губу поползла горячая струйка крови.

Обломок впивался в кожу, а боль в голове делалась до тошноты нестерпимой. Стоило ослабить хватку — и связь оборвётся.

Первые секунды видение путалось. Пахнуло карболкой, затем пережженной шерстью; обдал сырой сквозняк технического шлюза. Сжимал холодное железо и ждал, пока в чужой памяти запахи соединятся с тем, что видел конвоир. Ожидание стало почти невыносимым.

Тьма разорвалась, и под мутным желтым светом выступил грузовой отсек подъемника. До омерзения воняет паленой шерстью, карболкой и застарелым навозом. Двое в кожаных фартуках волокут стальную клетку, обитую полосами резины. Прутья вздрагивают от яростных ударов изнутри.

В полумраке за прутьями загораются два желтых глаза с узкими вертикальными зрачками.

«Рома! — от знакомого скрежещущего мысленного вопля я вздрогнул и едва не выронил обломок. — Если ты не переломашь этим тупым мешком с костями хребты в ближайшие два дня, я клянусь, я наассу в твои лучшие ботинки в тот же миг, как выберусь из этой помойки!»

Это был его крик в прошлом, застрявший на замке. Потянулся к живому Чеширу и снова ощутил глухую пустоту. До боли хотелось услышать его сейчас, а дар возвращал лишь прошлое.

Кошачий крик оборвался вспышкой статического треска. Сквозь опадающий гул в ушах прорезался хриплый бас одного из конвоиров:

— Аккуратней со зверем! Из седьмого бокса четвертого накопителя — перевести в третий бокс Верхнего отстойника, там и оставить до рейса, — конвоир перехватил ручку клетки и оттянул ее от стены.

— Чего-чего, до какого рейса? Партию-то задержали, — второй остановился и опустил клетку на пол.

— Тьфу, после скандала у Окунева списки переписывают, дубина. Новый служебный рейс завтра в четыре утра, не в три, как было назначено. Весовщик сказал, черную тварь на общий аукцион не выставлять — за нее господа с Верхнего яруса отвалили пять тысяч баллов авансом. Пять, слышишь? Так что не расшвыривай груз, — конвоир поддернул клетку и потянул напарника за собой.

Распахнул глаза и шумно втянул воздух. Сквозь мутную пелену проступила каморка. После клетки до слёз хорошо было снова видеть Милу и Тихона. Вытер рукавом кровь с верхней губы и подбородка.

— Ой, живой? — шёпотом спросила Мила и подалась ко мне, стискивая рукав на моем локте. — Что ты видел? Ты минуту назад просто сидел и смотрел сквозь меня, я тебя трижды позвала!

— Ох... на, выпей. Вода остывшая, из бака. У тебя глаза были белые, как у слепца из забоя, — она торопливо схватила со стола жестяную кружку и протянула мне, придерживая мою руку снизу, чтоб не расплескал.

Сделал два больших глотка жутко затхлой, пахнущей железом воды и поставил кружку на ящик.

— Уф, голова пока на месте, мастер, — я подвинул к ней коптилку и осветил разложенную на верстаке ленту. — Всё, слезы после. Прочитай мне отметку на ленте. Всю. Ты единственная здесь, кто эту перфорацию без лупы разберет.

— Сейчас... — она расправила ленту у огонька коптилки и наклонилась к выбитым знакам, шевеля губами; край царапнул ей подушечку пальца. — Прием... четвертый подуровень... проход транзитных грузовых клеток... сегодняшнее число, двадцать часов сорок минут. Три клетки, тарифованный вес под завязку.

— Ах вы ж... Под завязку, тарифованный... — Тихон повернулся от двери и крепче сжал лом. — Это про людей, выходит? Вес пишут, как для руды?

— Увы, как для руды, Тихон, взвешивали, — я повернул ленту к свету и провел ногтем по строчке с весом. — И кота везли тем же ходом.

— Двадцать сорок, — я сверился с часами и развернул ленту датой к Тихону. — Сегодня вечером, часа два назад, они тащили через твою секцию живой груз. Мы ещё можем их догнать. Кота велели перевезти в Верхний отстойник, оттуда — наверх в четыре утра. Четыре, не три, как говорил пленный. Четыре ещё впереди.

— Соберемся и пойдем, — я отставил кружку и повернулся к Тихону. — Слава богу, Чешир жив, Тихон, жив! Он в Верхнем отстойнике Загона. Вместе с партией людей, которых готовят на продажу наверх.

— Ох, Верхний отстойник — это целая цитадель, — покачал головой Тихон, опуская лом к ноге и свободной рукой придерживая меня за плечо, чтоб не вскакивал. — Даже надзорные патрули ходят туда с десятком штыков. Там сидит охрана Весовщика. Стальные переборки

в палец толщиной, гидравлические ворота и сорок вооруженных головорезов. С улицы нас, Роман, запросто положат у первой решётки из дробовиков.

— В прошлый раз за проломом стоял один писарь. А за этими воротами — партия людей, которую к утру опломбируют, — я повернулся к Миле и присел перед ней на ящик, оказавшись с ней на одном уровне. — Ты сказала, они сломали автомат, когда тащили клетку?

— Да. Сорвали гидрозатвор аварийного сброса. — Мила кивнула и сглотнула, сцепив пальцы на коленях. — Там стоял распределитель давления на четырнадцать атмосфер. Если они его заклинили обломком трубы, значит, внутренняя аварийная заслонка между секцией четыре-Б и дренажным коллектором Загона останется приоткрытой.

— Погоди-ка... — Тихон подался вперед, переставил лом и упёр его в колено. — Дочка, ты хочешь сказать, что с сегодняшнего вечера у Загона в полу дыра? И они её так и оставили?

— Ха, значит, сорок человек охраняют ворота, а мы полезем снизу, — я развёл ладони, отмеряя щель, и усмехнулся Миле с несказанным облегчением. — Хоть раз их проклятая спешка пригодится нам. Какой просвет останется?

— Всего сантиметров на сорок, — она прикинула расстояние между моими ладонями и чуть сдвинула их, выверяя на глаз. — Человек протиснется, если снять куртку и ползти по грязи. Но там дальше решетка охлаждения и ревизионный люк прямо под настил весовой.

— Сорок сантиметров — уже проход, если живот втянуть, — я встал с ящика и отряхнулся. — С люком разберемся. Мне позарез нужна схема внутренних уровней. Полная разводка переборок, постов и распределительных щитов. Без неё я в ту дыру не полезу — там каждый поворот для меня чужой, а чужой поворот в темноте это выстрел в спину.

— М-да, схему Загона держит только контора Весовщика. — Тихон подвинул к себе лом и упёр его в пол, помолчав перед ответом. — Для людей сектора она закрыта. Даже старики, что сорок лет в яме, только коридор до шлюза видали.

— Есть один человек, который торгует всем, что можно украсть или скопировать, — ответил я, направляясь к двери и накидывая куртку на плечи одним движением. — Посидите здесь. Дверь никому не открывать, даже патрульным. Если придут с ломами — ломайте переборку к соседям и уходите в вентиляцию забоя. Я к Гнедому.

Глава 4

— Гнедой, ты здесь? — толкнул обитую железом дверь и перешагнул порог. До лавки скупщика добрался по верхним техническим мосткам, минуя освещенные галереи и надзорные посты. Ноги нестерпимо ныли от усталости после бесконечных переходов по скоб-трапам, в воздухе стояла взвесь ужасно едкой рудной пыли. В глухой тупик третьего яруса спустился по пожарной скоб-трассе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.